

Юшкевич Ю. С. Поэтика взаимосвязей: творчество писателей – творчество философов / В. А. Дьяков, Ю. С. Юшкевич // [Срібний вік: діалог культур] : збірник наукових статей за матеріалами Міжнародної наукової конференції, присвяченої пам'яті професора С. П. Ільова / Відп. ред. Н. М. Раковська. – Одеса : Астропринт, 2007.– С. 447–457.

В. А. Дьяков, Ю. С. Юшкевич

ПОЭТИКА ВЗАИМОСВЯЗЕЙ: ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ – ТВОРЧЕСТВО ФИЛОСОФОВ

Одним из ключевых терминов нашей статьи мы считаем слово «поэтика». Выделим некоторые черты поэтики М. А. Булгакова, рассмотрение которых является одной из целей данного исследования. Во-первых, это использование Булгаковым тех или других музыкальных произведений: их фрагментов, даже намеков на них. В «Собачьем сердце», например, профессор Преображенский все время напевает или какую-либо часть из романса «Я здесь, Инезилья...», или часть хоров, реплик, арий из «Аиды». В «Белой гвардии», «Днях Турбиных» раздаются звуки гармоники, Шервинский говорит об эпиталаме из «Нерона», звучат песни, романсы, слышится игра на рояле, на пюпитре его крышки лежат ноты «Фауста» ... В «Мастере и Маргарите», а также в «Театральном романе» всячески обыгрывается (вплоть до пародирования в первом произведении [2, с. 188]) «Фауст» Ш. Гуно. Кроме того, в «закатном романе» фигурируют романсы Шуберта и, прежде всего, цикл «Прекрасная мельничиха». Так понимаемая музыкальность Булгакова выступает как один из принципов его поэтики, потому что музыка не только входит действенным элементом в канву его повествований, но и позволяет судить о второстепенных событиях, которые не изображены в тексте произведений, но способствуют пониманию их подтекста.

Во-вторых, поэтика М. А. Булгакова включает в себя принцип исторической достоверности описываемого. В данной статье мы подробно остановимся на том, как историческая достоверность проявляется в романе «Мастер и Маргарита»¹. Но анализ некоторых историко-философских проблем, возникающих при чтении этого произведения, будет сделан ниже. А сейчас, поскольку творчество М. А. Булгакова и некоторых философов развивалось в русле единого процесса – связи писательства и философии, – покажем, как обстоят дела в данной области. Для обсуждения философской квалификации М. А. Булгакова, что и является одной из наших целей, необходимо исследовать проблему «писатель – философия» в общем виде, чему будет посвящено дальнейшее изложение.

Проблема связи философии и литературы волновала мыслителей на протяжении всей истории философии. Спор о том, какие именно произведения можно назвать только беллетристическими, а какие, помимо того, являются еще и философскими, продолжается и по сегодняшний день. Существуют как приверженцы, так и противники той точки зрения, что философия и писательство (будь-то в области поэзии или в области прозы) взаимодействуют между собой. Как пример того взгляда, что связь между литературой и философией все же проявляется, приведем хотя бы эпоху романтизма, когда проблема места и роли искусства в историко-философском процессе была особо ярко выражена, потому что выступавшие в дискуссии некоторые философы являлись одновременно писателями и поэтами. Представитель этой эпохи Фридрих Шлегель, который сам был и философом, и писателем, заявлял, что «поэзия и философия должны соединиться», и далее «философ должен говорить про самого себя, как лирический поэт» [21, с. 287, 311]. Немецкий философ и поэт Новалис присоединяется к мнению Шлегеля со словами: «Поэзия – героиня философии ... философия есть теория поэзии» [14, с. 94].

---

¹ Материалы для анализа этой проблемы мы находим у многих литературоведов и просто комментаторов творчества М. А. Булгакова и, прежде всего, у И. Ф. Бэлзы [2], И. Л. Галинской [4], Б. В. Соколова [18].

Важную роль искусству отводили также И. Кант, Ф. Шиллер, Г. Гегель и др. Противоположной точки зрения придерживается, например, известный румынский философ Эмиль Чоран, который большую часть творческой жизни провел во Франции. Он не поддерживает идею переходности и слияния искусств, отстаивает чистоту каждого из них. Проза и поэзия, затронутые философствованием, теряют жизнь, по его мнению, быстрее других. А философия, в свою очередь, обособлена от литературы (как от прозы, так и от поэзии). «Необходима наивность писателя, чтобы верить, будто писать означает мыслить» [20; 9, с. 299]. В противоположность Э. Чорану мы считаем, что философия (благодаря своей мировоззренческой функции) как повлияла, так и будет влиять на литературу, испытывая при этом с ее стороны обратное влияние.

При обсуждении связи литературы и философии недостаточно говорить только об их взаимовлиянии. В античности, например, такой проблемы вообще не могло существовать: ведь художественная и философская литература были в нерасчлененном единстве. Проанализировав проявления литературы и философии в творчестве каждого отдельного представителя той или иной области, можно заметить, что существуют, так сказать, «чистые» философы и «чистые» писатели. Но в то же время появляются и писатели, которые ощущают, что для объяснения сущности мира необходима философия, в их произведениях возможно почувствовать философский смысл: Данте и Достоевский, Гете и Кафка, Сент-Экзюпери и Сервантес, Толстой и Шекспир – этот ряд можно еще продолжать. Наряду с ними есть и философы, которые используют художественные формы слова для выражения философских идей. К их числу относится общепризнанный философ и писатель Альбер Камю, свой взгляд он выразил в таких словах: «Хочешь быть философом – пиши роман» [11, с. 78]. Или Бертран Рассел, получивший в 1950 г. Нобелевскую премию по литературе за работу «Брак и мораль»: ведь все его философские работы по форме изложения были высокохудожественными. Кроме всего сказанного, необходимо выделить

также писателей, которые в своих произведениях разрабатывают собственные философские концепции, и таких, которые своими сочинениями лишь «иллюстрируют» уже существующие философские идеи, понятия, теории.

Отметим, что выявление связи литературного творчества и философской работы оказывается актуальным по многим причинам. Например, а) Применение гносеологических методов умозрительности и структурного подхода роднит литературное творчество и философские исследования. б) Буквально в последнее время обнаруживается еще один аспект для выяснения связи писательского мастерства и философии. Метафора становится не только литературным приемом, а значит, не только предметом литературоведения [19]. В силу расширения поля ее использования (историография и различные гуманитарные области) это ранее литературное средство изображения сейчас приобретает общенаучный статус, становится, т.о., предметом философского исследования [12]. в) Еще одним аспектом выяснения связи между литературой и философией стало исследование по линии «писатель – философия». Данная область в последнее время активно развивается, в ней уже существуют определенные наработки. Произведем специальную классификацию имеющихся материалов.

Одним из конечных моментов исследуемой связи являются писательские произведения, никак не связанные с философией, что соответствует теме нашей статьи (например, почти вся детективная литература советского, особенно послевоенного периода, – разве что, кроме романа Ю. П. Дольд-Михайлика, где философия присутствует на многих страницах). На другом полюсе классификации располагаются писательские сочинения (соответственно, фамилии их авторов), более или менее тесно связанные с философией, – можно сказать, даже такие, где поэт или писатель-прозаик являются одновременно и философами-профессионалами (например, Лукреций Кар [15], И.-В. Гете [3], Ф. М. Достоевский [13] и др.). Иных, наподобие Ф. И. Тютчева [16; 17], Н. А. Заболоцкого [10], даже называют

философствующими писателями¹. Высшим выражением связи литературы и философии являются произведения того писателя (поэта или прозаика), который сам создает философскую систему или теорию. В качестве примера можно привести древнегреческого писателя и философа Платона, украинского писателя и философа XX в. Я. Э. Голосовкера².

Приведенная классификация требует обязательной упорядоченности. Упорядоченность во времени связанных между собой элементов показывает хронологическую иерархию. Приведем примеры: вся история состоит из чередующихся событий, а даты этих событий упорядоченно следуют одна за другой и составляют хронологические таблицы. Кроме того, существуют различные жизнеописания, которые также предполагают составление хронологии жизни того или иного человека (или теории). Здесь в левой части обязательно получается колонка дат, следующих одна за другой и упорядоченных в рамках чьей-либо жизни, а в правой – соответственно датам описываются события, которые произошли в обозначенный промежуток времени. Но может также быть упорядоченность и эволюционная. Эти две иерархии обычно путают. Однако можно сказать, что упорядоченность, которая получается в результате эволюционного развития, всегда хронологична, а хронологическая последовательность не всегда выступает как эволюционная. В некоторых случаях временные (т.е. хронологические) связи могут усложняться и этим самым приобретать эволюционный характер. Здесь проявляется не только упорядоченность временного *следования* событий друг за другом, но еще и упорядоченность, возникающая в связи с *наследованием* некоторых черт от хронологически более ранних элементов.

---

¹ О философском аспекте творчества Ф. М. Достоевского пишет, в частности, Б. Г. Кузнецов [13, с. 122-133]. О Ф. И. Тютчеве, следует сказать, что И. С. Тургенев считал его поэтом-мыслителем [17, с. 20], а К. В. Пигарев в своих статьях называет лирику Ф. И. Тютчева и вообще его поэзию философской [17, с. 18]. В другом месте он пишет «о философском осмыслении жизни Вселенной» [16, с. 12]. О философском характере поэзии Н. А. Заболоцкого в отношении взаимоотношений человека, общества и природы пишет Н.Н. Заболоцкий [10].

² Я. Э. Голосовкер (1890-1967) как философ создал принцип и теорию имагинативного абсолюта [5], а как писатель воссоздал титаническую историю древней Греции и описал ее в поэтической книге [6].

Например, такова вся религиозно-гностическая система Средневековья от гностицизма, который тлел в Европе еще со времен античности, иногда ярко вспыхивая и разгораясь в отдельных местах нашего континента в различные времена вплоть до богомилства (XI в.). На наш взгляд, вся религиозно-мистическая система Средневековья может быть описана таким образом:

1. гностики (до II в. н. э.)
2. маркиониты (II в. н. э.)
3. манихейцы (III в. н. э.)
4. патарены (Италия: Равенна, Ломбардия; VI-XI вв.)
5. катары (греческое название манихеев)
6. альбигойцы (Франция: Лангедок XI-XII вв.)
7. богомилы (XI-XII вв.)

Отдельные элементы этой системы (первый и последний) М. А. Булгаков искусно вводит в канву своего «закатного романа», используя достоверные черты некоторых течений от гностицизма и до богомилства включительно¹.

Опишем ее элементы. *Гностицизм* зрел в Европе еще в древности, причем древние греки не любили гностиков, с античных времен известен призыв: «Верующие, бегите из бани, здесь гностик!» Главными воззрениями гностиков были познания соотношения света и тени, добра и зла. Поскольку это противоположности, можно квалифицировать гносеологические построения гностиков с использованием указанных парных категорий как дуалистические.

---

¹ М. А. Булгаков для литературного переосмысливания мог опираться не на всю религиозно-гностическую систему, *а только на отдельные ее элементы, как-то: соотношение света и тени, света и мрака, добра и зла, рядомположенности «ведомств» Иешуа и Воланда*, присущность этому последнему ряда признаков всемогущества, всеведения – треугольник и всевидящее око, глобус и скарабей и пр. *Об этом, может быть, свидетельствует имя палача (Сансон), который присутствует среди приглашенных к Сатане на великий бал полнолуния (см. текст романа). Сансон – имя палача времен Великой французской революции и одновременно по-английски значит «сын Солнца» (наблюдение Б. В. Соколова [18, с. 156, примечание 93]). Думаем, что это не только дань великой эпохе, но и тонкий намек на альбигойцев и катаров.* Среди них были «совершенные» (а между ними могли быть и «Дети Солнца»). Одной из их функций в общине было напутствие умирающих, чтобы те избавились от уз материального мира [8, с. 453; 7, с. 355].

Вспышка гностицизма в новейшей литературе (вплоть до учебников) связывается со II в н.э.; при этом, вероятно, имеется в виду *маркионитство*, название течения происходит от имени древнего грека Маркиона. Этот представитель древнегреческой философии воспринял от ионийцев взгляды о материальном начале мира. Мы видим, что познание у гностиков соотношения добра и зла, света и тени, не просто зреет в Европе в течение лет, десятилетий и веков, а все время усложняется. Дуалистические взгляды гностиков дополняются распространением взглядов маркионитов о том, что в рассматриваемых парах зло, тени и мрак характеризуют не только противоположные добру и свету явления, которые исходят от Бога, но темная и мрачная сторона мира материальна и находится в ведении дьявола.

III в. н. э. прошел в Европе в распространении *манихейских* взглядов – название течения происходит от имени пророка Мани, который был убит курдами в 276 г. н. э. [8, с. 452], – в связи с дуализмом манихейцев можно говорить о гностико-манихейском комплексе. Далее кратко остановимся на течении павликиан (название происходит от имени апостола Павла [8, с. 460]). За ограниченностью места в короткой статье отметим лишь, что их значение в исследуемой системе состоит в распространении по Европе гностико-маркионо-манихейских взглядов. В процессе религиозных гонений (напр., 872 г.) на представителей этой секты их истребили вооруженным путем, оставшихся не казнили, а расселили вдоль болгарских границ для пограничной службы [8, с. 462-463].

Патарены и катары – пятое и шестое течение гностико-манихейского комплекса – были распространены в Равенне и Ломбардии на протяжении IV-VI вв. н. э. и в другие времена. О катарах Л. Н. Гумилев пишет даже, что это только греческое название манихеев на землях Италии. О патаренах, катарах, павликианах, можно найти сведения в [8] и других источниках этого автора. Но Л. Н. Гумилева эти течения интересуют только в связи с историей Византии, Хазарии, Скифии и по поводу других географических или исторических материалов. Мы же ссылаемся на эти работы Л. Н. Гумилева, выбирая оттуда

различные данные об элементах предполагаемой гностико-религиозной системы. Отметим еще и замечание Л. Н. Гумилева о том, что «манихеи не ересь, а просто антихристианство», это поэтические или даже фантастические взгляды, которые, дальше от христианства, чем, например, теистический буддизм или исламизм. Подобные заявления встречаются и в работах «Биполярность этносферы» и «Зигзаг истории», но мы этого в данной статье не касаемся.

Альбигойцы – жители города Альби (в Лангедоке), по имени которых получило название все течение. От древних гностиков они заимствовали представления о дуальности мира. Они же в XII в. явились одной из сторон политической борьбы за установление абсолютной монархии – их в этом процессе просто физически уничтожили (как некогда павликиан – военной силой). Власть уже имела в этом опыт – известно, что против альбигойцев в Европе был организован IV крестовый поход. Альбигойцы в систему гностических представлений внесли свои взгляды о Солнечном замке Монсольват (он же Монсегюр). И если с этим обстоятельством соотнести деятельность «сыновей Солнца», то станет ясным религиозный оттенок (в отличие от политической борьбы с альбигойцами), который является содержанием всей современной литературы о них.

Следующая вспышка гностицизма в Европе связывается с представителями *богомиллов*: остатки павликиан, которые были в свое время расселены вдоль болгарских границ и заразили болгар гностическими взглядами. Такие представления среди средневековых болгар нашли распространение – сформировалась еретическая секта – богомилов, но богомильство как ересь сложилось не только потому, что унаследовало нечто от древних гностиков-маркионитов-манихеев. В их учении а) изменился статус, а значит, и ранг Дьявола, который б) сделался уже не ангелом, а архангелом, в) в имени его произошли семантико-морфологические изменения – он уже не ангел Сатана, а архангел Сатанаил, г) его положение и дела рядомположены, т.е. рассматриваются, как происходящие наравне с Божьими. Значит, в

богомильской ереси дело обстоит так, как писал Н. С. Гумилев в известном отрывке:

Высокий дом господь себе построил
На рубеже своих святых владений
С владеньями владыки Люцифера ...

[Цит. по 2, с. 195]

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что М. А. Булгаков на основании одного из принципов своей поэтики – принципа исторической достоверности – использовал античную гностическую традицию вплоть до богомилства XI-XII вв. н. э. Использование этой традиции не только позволило ему насытить свой «закатный роман» реалиями древности Средневековья, но и сделать так, чтобы они воспринимались как реалии сегодняшнего дня. Здесь проявляется сила художника. Это во-первых.

А во-вторых, при этом художник становится философом, т.к. воспроизводит некоторую эволюционирующую и эволюционную систему. Мы видим ее в 1) наследовании элементарных признаков; 2) обострении их в элементах-потомках; 3) увеличении количества признаков системы в целом за счет признаков, привносимых элементами. Так, во всех элементах повторяются гностические признаки соотношения света и тени, добра и зла, все усиливаясь в эффективности своего действия, о чем говорит функционирование каждого отдельного образования, причем каждый последующий элемент вносит в систему что-то свое. Маркиониты (II в. н. э.) внесли в систему представление о материальности теневой стороны мира, злых и мрачных сил. Катары и альбигойцы могли среди «совершенных» поместить «сыновей Солнца», которые, давая умирающим из «верных» напутствие, способствовали их избавлению от уз материального мира. И, наконец, богомилы путем изменения статуса и ранга Сатаны, а также остроумных операций с его именем превратили его в существо, чьи полномочия воспринимались средневековым человеком как равноположенные с полномочиями Божества.

В результате произведенной классификации получилась схема-шкала, которая имеет несколько функций. Во-первых, здесь наглядно воспроизводится

связь художественной литературы (прозы и поэзии) с философией и показано, что М. А. Булгаков занимает очень близкое к философу-создателю системы место. Во-вторых, предлагаемая схема позволяет судить об упорядоченности и иерархичности изучаемого соотношения, его хронологичности и эволюционности. В-третьих, говоря о функциях схемы-шкалы, следует отметить ее эвристичность, поскольку шкала подсказывает направление или какие-либо другие детали умозрительных поисков в рассматриваемой области. Так, строящаяся схема-шкала подсказала нам, что 1) примером эволюции может явиться система еретических для христианства (или, как о некоторых из них пишет Л. Н. Гумилев, вообще не христианских) взглядов; 2) М. А. Булгаков для литературного переосмысления мог опираться не на всю систему, а только на некоторые ее элементы, первый и последний.

Следует обратить внимание на следующее рассуждение, актуальное для того, чтобы показать эвристичность схемы-шкалы. Если система развивается во времени, то она должна развиваться и в пространстве, ибо, по современным представлениям, время и пространство представляют собой континуум (т. о. время и пространство одновременно являются формами бытия). Значит, необходимо еще искать пространственную составляющую процесса связи беллетристики и философии.

Литература

1. Булгаков М. А. Романы / Предисловие В. Я. Лакшина. – М., 1973.
2. Бэлза И. Ф. Генеалогия Мастера и Маргариты // Контекст-78. – М.: Наука, 1978 (Ежегодник Института мировой литературы АН СССР. М.: Наука, 1978. – вып. VII).
3. Вернадский В. И. Мысли и замечания о Гете как о натуралисте // Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981.
4. Галинская И. Л. Загадки известных книг. – М.: Наука, 1986.
5. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987.
6. Голосовкер Я. Э. Сказание о титанах. – М.: Высшая школа, 1993.
7. Гумилев Л. Н. Биполярность этносферы // Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993.
8. Гумилев Л. Н. Зигзаг истории // Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993.

9. Дубин Б. Бесконечность как невозможность: фрагментарность и повторение в письме Эмиля Чорана // Новое литературное обозрение. – 2002. – №54.
10. Заболоцкий Н. Н. Взаимоотношения человека и природы в поэзии Н. А. Заболоцкого // Вопросы литературы. – 1964. – №2.
11. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М., 1990.
12. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
13. Кузнецов Б. Г. Заметки об Эйнштейне и Достоевском // Кузнецов Б. Г. Этюды об Эйнштейне. – М.: Наука, 1965.
14. Литературный манифест западноевропейских романтиков. – М., 1980.
15. Лукреций Кар. О природе вещей / Послесловие С. И. Вавилова. – М.: Наука, 1945.
16. Пигарев К. В. Ф. И. Тютчев / Вступит. ст. к сб. стихотворений и писем. – М.: Гослитиздат, 1957.
17. Пигарев К. В. О Ф. И. Тютчеве / Вступит. ст. к фотоальбому «Жизнь природы там слышна». – М.: Планета, 1979.
18. Соколов Б. В. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». – М.: Наука, 1991.
19. Стрелков В. Н. К онтологии исторического текста: некоторые аспекты философии истории Ф. Р. Анкерсмита // Философия и современные проблемы гуманитарного знания. – М., 2000.
20. Cioran. Cahiers 1957-1972. P., 1997.
21. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. – Т.1. – М., 1983.